

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

Серия   ИНФОРМАЦИОННЫЙ
                              ВЫПУСК № 97 (1703)

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья М. Делягина «Яйца дракона», опубликованная в газете «Завтра», № 35, сентябрь 2019 года.

Вологда
сентябрь 2019

Яйца дракона

Новый этап глобального китайского проекта

Большие процессы, захватывающие народы и превышающие по своей длительности жизнь поколения, в силу своей масштабности кажутся современниками самоочевидным постоянством. Поэтому их переходы в новую фазу, насколько бы естественными они ни были, воспринимаются как внезапное потрясение. Поначалу такие переходы кажутся необъяснимыми и случайными – вплоть до того, что современники отказываются даже воспринимать их реальность, а затем долго ещё ожидают их прекращения и возврата к привычному и кажущемуся единственно возможным прошлому.

Именно так воспринимают сейчас китайский проект, который после почти 40 лет беспрецедентного в истории по масштабности и длительности успеха переходит во вторую фазу.

Первая фаза заключалась в развитии Китая «за пазухой» Соединённых Штатов, с опорой на их ресурсы, вторая – в столкновении с ними за доминирование в мире.

Основу первой фазы заложил ещё Мао Цзэдун: вступив в системный конфликт с начавшим деградировать после смерти Сталина Советским Союзом и страшась свержения, он к концу 60-х решил опереться на помощь США против СССР. Прямых контактов, в силу идеологической несовместимости и памяти о «китайско-американской войне в Корее», не было, и в 1969 году Мао обратился к США на языке традиционных для китайской культуры непрямых действий – масштабными провокациями против СССР. Можно лишь гадать о его досаде, когда он убедился, что руководство США, погружённое в свои проблемы (от антивоенного движения и борьбы за права негров до приближения к неизбежному банкротству 1971 года), попросту не заметило столь энергичного и выразительного китайского приглашения к сотрудничеству (а вот ужас Мао перед военным возмездием СССР вплоть до мая 1970 года, когда ему удалось вымолить гарантии ненападения, – да и после этого – даже документирован).

Но конфликт КНР с СССР создал объективное разряжение в социалистическом мире – и США были втянуты в него. Результатом стал визит Никсона в Китай в феврале 1972 года, принёсший ему оглушительный пропагандистский успех, который способствовал беспрецедентной победе 37-го президента США на выборах в ноябре того же года (за него проголосовали все штаты, кроме Массачусетса и округа Колумбия), и резко укрепивший позиции Соединённых Штатов в противостоянии с Советским Союзом, – но он не изменил характера взаимодействия США с Китаем и, соответственно, модели функционирования последнего.

Мао Цзэдун был слишком стар и заскорузл, чтобы думать о чём-то, кроме сохранения власти (стратегическое сотрудничество с Америкой придало бы китайской внутренней политике неконтролируемый динамизм, с которым он уже не смог бы справиться), а руководство США было погружено в создание механизма нефтедолларов, агонию во Вьетнаме и налаживание процесса разрядки. Таким образом, для продолжения танго просто не было желающих ни на одной из сторон.

К концу 70-х ситуация качественно изменилась: США, возглавляемые после Никсона слабыми президентами (так как победивший его транснациональный бизнес до Рейгана ещё не научился управлять сильными президентами), проигрывали конкуренцию СССР по всем параметрам, транснациональные корпорации Запада откровенно загнивали, а его экономика (и не только США, всё более уступавших Японии) погружалась в пучину стагфляции, из которой ещё не было видно выхода.

В этой ситуации накачка ресурсами антисоветского Китая выглядела для США волшебной возможностью создать новое пространство борьбы против СССР (как раз накануне Афганистана) и, как минимум, отвлечь внимание Москвы на новую проблему, а в перспективе – и перехватить у неё стратегическую инициативу.

Для нового же руководства Китая возможная американская помощь открывала новое измерение будущего – и сразу после победы над зашоренными преемниками Мао из «банды четырёх» Дэн Сяопин бросается в США, где в ходе длительной поездки всеми силами (вплоть до позирования в ковбойской шляпе) демонстрирует свою готовность вместе с Америкой дружить против Советского Союза.

Разумеется, эту готовность требовалось доказать делом – и по возвращении в Китай Дэн Сяопин немедленно «повязал себя кровью», атаковав Вьетнам. Бессмысленная с военной точки зрения и завершившаяся болезненным поражением (ставшим фактором внутривнутриполитического сдерживания китайских военных, приведших Дэн Сяопина к власти) операция была таким же элементом диалога с США, что и атаки против СССР в конце 60-х. Но, поскольку они были предварены мощной подготовительной работой (и, вероятно, прямыми согласованиями с руководством американских спецслужб) и полностью соответствовали интересам США, Дэн Сяопин, в отличие от Мао Цзэдуна, был услышан сразу и правильно.

В качестве стратегического союзника, пусть и неофициального, США против СССР Китай получил свободный доступ на американский рынок (из-за кризиса отчаянно нуждавшийся тогда в дешёвых товарах) и поддержку в привлечении капиталов и технологий (вначале они шли от китайских эмигрантов, «хуацяо» – но гарантии их безопасного сотрудничества с Китаем и разрешение странам их проживания на поддержку КНР руками «хуацяо» давали именно США).

КНР развивалась в рамках этой стратегии вплоть до распада СССР, выступая в качестве неявного, но исключительно важного союзника США в их борьбе против «советской угрозы». В 90-е же годы Китай обеспечивал американский рынок дешёвыми товарами, позволившими поднять уровень жизни без роста доходов большинства населения Соединённых Штатов; это была не менее важная миссия, также обеспечившая КНР комплексную, пусть и не афишируемую поддержку США (чего стоит одно

лишь попустительство массовому воровству интеллектуальной собственности?!).

В 2000-е годы, несмотря на локальные конфликты, Китай наращивал своё значение (прежде всего экономическое) для США и потому оставался их важнейшим партнёром. Помимо поставок дешёвых товаров, необходимых для поддержания изобилия (и быстрым накоплением в своих ЗВР эмитируемой США валюты, что стабилизировало «долларовую пирамиду»), он стал единственным (в условиях переинвестирования развитых стран) объектом масштабного инвестирования Запада. Это сделало его критически значимым фактором стабильности глобальной экономики и позволило в ноябре 2012 года, через две недели после завершения приведшего Си Цзиньпина к власти XVIII съезда КПК, поставить задачу завоевания мирового лидерства.

В качестве «экономической тени» Запада Китай продолжал стремительное развитие, надеясь без конфликта с уходящей западной цивилизацией занять лидерские позиции в мире до того, как та заметит это, – но вектор глобального развития переломился.

Сохранение глобальных рынков, в силу загнивания сложившихся на них монополий, оказалось невозможным, и на повестку дня встало управление предстоящим срывом человечества в Глобальную депрессию в интересах тех или иных участников мирового развития. Символом этого перелома стала победа Трампа, который сразу после укрепления своей власти, стремясь усилить США, развязал торговые войны против всех партнёров Америки, и прежде всего – против Китая.

В результате китайский глобальный проект в 2017 году вынужденно и досрочно (с точки зрения китайских стратегов) завершил свою первую фазу: из партнёра США Китай превратился в их главного стратегического противника.

Прямая (не торговая, а принципиальная: решается вопрос о власти в мире) конфронтация с США является для нынешнего поколения китайцев принципиально новой и в целом непонятной ситуацией. Развитие в условиях жёсткого столкновения с ключевым источником этого развития – сложнейшая задача, решение кото-

рой и становится содержанием второго этапа реализации китайского глобального проекта.

Массовые протесты в Гонконге ещё более полно, чем удары торговых войн, выявили мажоритарность, с которым США усугубляют внутренние противоречия современного Китая, стремясь к их переводу в полноценный внутриполитический кризис. Ведь в его приморских мегаполисах и даже в столице вырос тот же самый финансово-офисный планктон, который бьётся сегодня на улицах Гонконга за его возврат в колониальное состояние, а на деле – за уничтожение своего города в качестве одного из мировых финансовых центров. Жёсткое подавление непримиримых врагов «китайской мечты» будет крайне болезненным для представителей экономически развитых регионов КНР, так как может привести к попыткам изоляции, подобным последовавшей за событиями на площади Тяньаньмэнь. В то же время, промедление ведёт к «потере лица» пред-

ставителями внутренних регионов Китая, включая и самого Си Цзиньпина.

А ведь использование силового сценария для подавления «приморской фронды», безусловно полезное с точки зрения борьбы за власть (да и сам Гонконг выполнил свою роль для Китая и из инструмента развития стал ненужным конкурентом его новым экономическим центром), может привести к экономическим (а значит, и социально-политическим потерям), к которым пока не готов политический класс КНР, всё ещё не оправившийся от вызванного внезапной враждебностью США шока.

Сотрудничество России с Китаем будет полноценным и полноправным лишь при условии понимания качественного перехода, уже произошедшего не только с китайско-американскими отношениями, но и с самим Китаем.

Михаил Делягин